

А. Н. ГВОЗДЕВ

О ФОНОЛОГИИ «СМЕШАННЫХ» ФОНЕМ

Напечатанная в 4-м выпуске XI тома «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка» статья С. К. Шаумяна «Проблема фонемы» ставит своей задачей осветить вопрос о фонемах с позиций марксистской методологии.

Статья распадается на вводную часть, в которой выдвигаются общие принципы изучения языка, в частности звукового строя, и на основную, излагающую собственную концепцию фонем автора и критику разных направлений буржуазных и советских ученых по вопросам фонологии.

Ряд общих положений, высказываемых в вводной части о значении учения о фонемах, о понятии фонемы и системы фонем, не вызывает возражений. Но, как уже отмечалось в критических отзывах на статью С. К. Шаумяна, большая часть таких положений представляет хорошо известные истины, хотя в статье они излагаются без указаний на их общеизвестность¹. Что же касается их обоснования, то автор часто вообще только «высказывает, а не доказывает», по выражению проф. А. С. Чикобава, или предпочитает оперировать голыми схемами, не основанными на фактах (такова таблица на стр. 328, рассуждения на стр. 336 о признании сочетания [ks] за одну фонему), маскируясь раскрытием «пороков» эмпирических приемов исследования и игнорируя завет акад. И. П. Павлова: «Факты — это воздух ученого. Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши «теории» — пустые потуги... Пытайтесь проникнуть в тайну их возникновения. Настойчиво ищите законы, ими управляющие»². Также уже отмечалось (проф. Р. И. Аванесов), что ссылки на труды основоположников марксизма-ленинизма мало связаны с выдвигаемыми автором положениями.

Все же, хотя с ничтожно малым количеством фактов, автор излагает свое понимание фонем, выдвигая понятие «смешанных» фонем и критикуя существующие в советском языкознании концепции фонем.

Признавая основной функцией фонем их смыслоразличительную роль («фонема есть звуковая единица, служащая знаком для различения слов...», стр. 331), С. К. Шаумян не делает возражений против общепринятого определения фонем в «сильной позиции», широко применяя сопоставление слов, различающихся одним звуком.

Его особый взгляд касается звуков в «слабой позиции»³, «нейтрализации» фонологических противопоставлений. Он так характеризует нейтрализацию: «В известных положениях в звуковом потоке члены некоторых фонологических противопоставлений перестают различаться. Положения, в которых члены фонологических противопоставлений перестают различ-

¹ Источник ряда ошибочных положений вскрыт в статье проф. А. А. Реформатского «К проблеме фонемы и фонологии»; также может быть показана зависимость ряда общепризнанных положений от учения о фонемах акад. Л. В. Щербы, которого автор совсем исключает из «фонологов».

² И. П. Павлов, Избранные произведения, изд. АН СССР, 1949, стр. 19.

³ Какова оригинальность этого взгляда, показал проф. А. А. Реформатский, отметивший вполне однородные высказывания Н. С. Трубецкого в работе «Das morphologische System der russischen Sprache» (1934).

чатся принято называть слабыми» (стр. 337). В качестве примера приводится конечное *к* в русском языке: «Так, в словах *лук* — *луг* вместо противопоставления [k] — [g] мы имеем одно лишь [k], в котором совпали оба члена данного фонологического противопоставления. Это [k] только фонетически сходно с фонемой [k]. Но как различительная единица оно не совпадает ни с фонемой [k], ни с фонемой [g]. Для фонем [k] и [g] глухость и звонкость — дифференциальные признаки, а для [k], стоящего в конце слова, глухость не есть дифференциальный признак, раз в данном положении невозможно противопоставление [k] — [g]» (стр. 338). Ставя вопрос о том, «чем же следует считать это [k]», и подчеркнув, что «какие бы то ни было ссылки на акустическое родство здесь... несостоятельны» (стр. 338), автор делает вывод: «С точки зрения различительной функции звук [k], стоящий в конце слова, следует признать смешанной фонемой [k/g], потому что он объединяет в себе фонемы [k] и [g]» (там же).

Затем С. К. Шаумян подчеркивает, что «это — функциональная точка зрения, единственно законная в фонологии» (стр. 339), которую он противопоставляет фонетической и генетической точкам зрения при рассмотрении звуков.

* * *

Прежде всего следует отметить, что без учета акустических качеств звуков невозможно самое установление «смешанных» фонем; так, предупредительное *а* (Λ) является «смешанной» фонемой *о/а*, так как в этом положении акустически совпали эти противопоставленные под ударением звуки (омонимы: *полю* — *палю*, но отграниченность *пылю*), а *э* в заударном положении уже становится «смешанной» фонемой *о/а/ы⁴*, так как акустически совпали эти звуки (ср. точность рифмы: *сѣрым* — *мерам* — *примером*). Или при иканье *и* в первом предупредительном окажется «смешанной» фонемой *и/е/а/о* (тождество предупредительного гласного в словах: *приди* — *пряди*; *освицу* — *освещу* — *освящу*); при еканье *и* предупредительного слога вообще перестает быть «смешанной» фонемой, а *е* (*е^н*) окажется «смешанной» фонемой *е/а/о*. Конечное *к* в литературном языке становится «смешанной» фонемой *к/г* (*сток* — *стог*), в южнорусских говорах, в которых *γ* оглушается в *х*, *к* в конце слова оказывается самостоятельной фонемой (*сток* — *стох*, *стоγа*), но появляется «смешанная» фонема *х/г* (*γ*) (*мох*, *мха* — *мох*, *маγу*). Таким образом, акустические качества звуков в слабой позиции определяют их вхождение в «смешанную» фонему более или менее широкого охвата или их сохранение в качестве самостоятельных фонем, и не учитывать эти качества можно только на словах.

Затем, обязательно ли связана различительная функция «смешанных» фонем с их положением в определенной «слабой» позиции? И подтверждается ли фактами языка, что в слабой позиции не противопоставляются звуки, входящие в «смешанную» фонему? Вообще — функционируют ли звуки как различители только внутри одной позиции, или их различительные функции проявляются и тогда, когда они находятся в разных позициях? С. К. Шаумян исходит из того, что различительность связана с позицией; рассматривая звуки в слабом положении, он и считает единственно законной для фонологии точкой зрения установление того, «какие звуки могут ему противопоставляться в данном положении» (стр. 339).

Так ли это? Сравним такие слова: *стать* — *сдать* (*здат'*) — *слать* — *звать*. Начальное глухое *с* в *стать*, будучи перед глухим *т*, находится в слабой позиции, а в *слать* перед сонорным — в сильной; также начальное звонкое *з* в *сдать* (*здат'*) перед звонким *д* — в слабой позиции, а в *звать* перед *в*, которое наравне с сонорными не вызывает ассимиляции, — в сильной. В то же время нет сомнения, что *стать* и *слать* различаются только *т* и *л*, хотя в первом *с* — «смешанная» фонема *с/з*, а во втором —

⁴ При этом *ы*, по Шаумяну, является вариантом *и*.

«подлинная» фонема *с*; также *сдать* (*здат'*) и *звать* различаются только звуками *д* и *в*, хотя *з* в первом — «смешанная» фонема *с/з*, во втором — «подлинная» фонема *з*; наоборот, *стать* и *звать* различаются не только звуками *т* и *в*, но и звуками *с* и *з*, несмотря на то, что *с* — «смешанная» фонема *с/з*, а *з* — «подлинная» фонема *з*; наконец, *стать* — *сдать* (*здат'*) противопоставлены фонетически не только *т* — *д*, но и *с* — *з*, хотя оба эти звука находятся в слабом положении и являются «смешанной» фонемой *с/з*. Таким образом, различительная функция звуков не ограничивается их противопоставлением в одной позиции; так же могут противопоставляться звуки сильной позиции («подлинные» фонемы) звукам слабой позиции («смешанным» фонемам), причем различительные функции тех и других определяются их акустическими качествами; так, четко противопоставлены: *с* — *з* в *стать* — *звать*, *стать* — *сдать* (*здат'*), *слать* — *сдать* (*здат'*). Наоборот, при акустическом совпадении «смешанной» фонемы и «подлинной» фонемы они не выступают различителями; так, *стать* — *слать* не противопоставлены звуком *с*, а *сдать* (*здат'*) — *звать* — звуком *з*, тогда как С. К. Шаумян все время подчеркивает, что акустические качества «смешанных» фонем не имеют значения.

Или можно ли говорить о каком-либо противопоставлении по различительной функции *т* в словах: *атнас* (*от нас*), *атнас* (*атнас*), *атнас* (*от вас*), где *т* в сильной позиции и признается «подлинной» фонемой, и в словах: *атнас* (*отказ*), *атнас* (*отнас* — *перестал пасти*), *атнас* (*от фаз высокого напряжения*), где *т* — в слабой позиции и относится к «смешанной» фонеме *т/д*. Совершенно очевидно, что выделять таким способом два вида *т* с особыми функциями — нет никаких оснований.

Поэтому, признавая основным для фонем их смысловозначительную функцию, нельзя ограничиваться рассмотрением соотношения звуков в одной позиции, а такую именно абсолютизацию отдельных позиций, рассмотрение их как замкнутых и обособленных и допускает С. К. Шаумян, тогда как диалектический метод устанавливает, что «ни одно явление в природе не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями...»⁵.

В связи с приведенными примерами может быть сделан упрек, что звуки, находящиеся в разных позициях, не выступают е д и н с т в е н н ы м различительным средством, тогда как обычно при разграничении фонем используются слова, отличающиеся только одним звуком (*том* — *дом* — *ком*).

Но такое сопоставление — только наиболее простой исследовательский прием для разграничения фонем, а в определениях фонем не указывается, что они выступают лишь единственным различительным средством. А кроме того, звуки, находящиеся в разных фонетических положениях, могут выступать и единственным различительным средством, например, в таких случаях, когда, с одной стороны, имеется слово с частицей *ли* и одно знаменательное слово: *продрог ли* (*прадр'окл'и*) — *продрогли*, *вывез ли* (*вьв'в'сл'и*) — *вывезли*, *выгреб ли* (*вьгр'ьпл'и*) — *выгребли*, *кров ли* (*кр'обф л'и*) — *кровли*, *лов ли* (*лофл'и*) — *ловили*. Различие этих пар сводится только к тому, что в одном случае имеется глухой, в другом звонкий звук. То, что в первом случае имеется сочетание слова с частицей *ли*, а во втором одно слово, не имеет значения, так как фонетически частица *ли* ничем не отличается от заударного слога (ср. *мок ли* — *мокли*, *сох ли* — *сохли*, *мы ли* — *мыли*); например, участники общения улавливают лишь по звонкому *в* и глухому *ф*, имеется ли одно слово *кровли* или сочетание слов *кров ли*.

Для иллюстрации того, что смысловозначительная функция звуков не обязательно связана с их положением в отдельных позициях, любопытны такие соотношения: *Отнеси к Ире* (*к'ыр'и*) — *Отнеси Кире* (*к'ыр'и*),

⁵ «История ВКП(б), Краткий курс». 1938, стр. 101.

или: *К Иргизу* (*кыр'ызу*) — *киргизу* (*к'ирг'ызу*). Различение здесь налицо. Но С. К. Шаумян считает твердые и мягкие заднеязычные принадлежащими к одной фонеме (стр. 340). Также к одной фонеме он относит *ы* и *и*, ставя такое решение в заслугу Бодуэну де Куртенэ (стр. 340). При таком понимании оказывается, что в словах *Кире* и *К Ире* один и тот же состав фонем, следующих в том же порядке, и все же они четко различаются; значит, на худой конец необходимо признать разными фонемами хотя бы одну из этих пар звуков.

Таким образом, смыслоразличительная функция звуков проявляется не обязательно только внутри известных позиций, причем различительная функция звуков в слабых позициях зависит от их акустических качеств, и ограничивать ее пределами отдельных позиций значит не учитывать всех связей и соотношений между звуками языка и сходиться с «фонологической» точки зрения на «фонетическую», по терминологии автора, так как смыслоразличительная функция звуков оказывается подчиненной чисто фонетической единице — позиции, обусловленной действующими фонетическими законами. Наоборот, исходя из роли звуковой стороны в процессе языкового общения, необходимо на первый план выдвинуть смыслоразличительную роль фонем, что и является общепризнанным и особенно подчеркивается акад. Л. В. Щербой.

При этом С. К. Шаумян, все время подчеркивающий, что «акустическое родство» звуков в слабой позиции не имеет значения, сам непроизвольно (или контрабандой) пользуется понятием *з в у к а р е ч и*, а не какого-то физического звука, не имеющего отношения к фонетической системе определенного языка. Так, он пишет, что «в словах *лук* и *луг* вместо противопоставления [k] — [g] выступает [k], физически совпадающее с фонемой [k]» (стр. 338), но известно, что конечное *к* не одинаково с *к* перед гласным — первое (*лук*) является сильноначальным, а второе (*лука*) — сильноконечным, и говорить об их «физическом совпадении» можно только не считаясь с достижениями фонетики. То же относится и к различию *т* перед гласным и *т* в конце слова. См. на стр. 339: «В этом случае мы говорим об акустическом совпадении данного [t] с фонемой [t]». Аналогичное заявление С. К. Шаумян делает о предударном *а*: «... в первом... предударном слоге мы находим другой вариант, звук [a], физически совпадающий с фонемой [a]» (стр. 338). Но известно, что предударное *б* и в отношении артикуляции и в акустическом отношении не совпадает с ударным *а*. Почему же С. К. Шаумян не замечает таких различий в звуках, обусловленных их разным позиционным положением, и объявляет их тождественными физически? Это и объясняется тем, что он в этом случае подходит к звукам, как все говорящие по-русски, для которых конечные *к*, *т* объединены в одну звуковую единицу с *к*, *т* перед гласными, как такие разновидности звуков, которые никогда не противопоставляются в качестве различителей слов или форм.

К тому же С. К. Шаумян, ратующий за заграничение фонологии и фонетики, к которой он относит «физиологию и акустику звуков речи» (стр. 332), постоянно смешивает артикуляционную и акустическую характеристику звуков речи. Называя «дифференциальными» признаками фонемы «существенные акустические свойства» (стр. 330), он в качестве «дифференциальных» признаков перечисляет: смычность, фрикативность, заднеязычность (стр. 330), т. е. чисто артикуляционные различия, тогда как дифференцированность звуков как физических (акустических) явлений совсем не параллельна их артикуляционной дифференцированности в том упрощенном понимании, которое выдвигается С. К. Шаумяном. Так, можно ли из «дифференциальных» признаков русских гласных (кстати, С. К. Шаумян не называет их) вывести различия в высоте их характерного тона? Например, пары *и* — *э* и *у* — *о* имеют однородные признаки («одну ступень открытости» и в тоже время противоположное соотношение высоты характерного тона: *и* (3044. d. v.) значительно выше *э* (1816 d. v.), а *у* (532 d. v.)

ниже *o* (756 d. v.)⁶. Или можно ли утверждать, что акустическая дифференцированность таких пар, как *ф — с*, *с — ш*, *ш — х* однородна, так как у них имеется по одному однородному «дифференциальному» признаку, а также можно ли считать, что *ф — х* акустически более далеки, чем, например, *ф — с* или *ш — х*?

А для языка на первом месте стоит акустическая дифференцированность звуков, хотя она органически связана с артикуляционной дифференцированностью, только не в том упрощенном понимании, как ее представляет С. К. Шаумян. Первостепенная важность физической (акустической) стороны видна из того, что средством передачи мысли выступают «колебания воздуха», воспринимаемые звуковым анализатором, и участники общения в нормальных условиях не нуждаются в восприятии артикуляций, а глухота полностью парализует естественное овладение и пользование звуковым языком. Характерно и то, что речевоспроизводящие аппараты фиксируют именно «колебания воздуха», а не какие-либо элементы артикуляций. И техника радио, кино интересуется не передачей одних схематических «дифференциальных» признаков, а звуков речи во всей их конкретности, так как то или иное отступление от «живой речи» вызывает неполноценность воздействия такой воспроизводимой технической речи. Поэтому путать физиологическую и акустическую характеристику или ставить их на одну доску — значит не видеть основной функции звуковой стороны языка в процессе общения.

* * *

Затем следует остановиться на понятии «слабой позиции», которое без какого-либо раскрытия использует С. К. Шаумян, очевидно, считающий его вполне ясным. На самом же деле это понятие, достаточно ясное при трактовке звуковых явлений с «фонетической» точки зрения, обусловленности звуков действующими фонетическими законами, далеко не ясно в отношении установления смысловозначительной роли звуков; именно, возникает вопрос об отношениях «слабых позиций» к таким единицам, как слово и морфема.

Как известно, большая часть фонетических законов связана со словом, но для разных фонетических процессов слово имеет особые границы; например, редукция гласных охватывает «большое» слово, включающее предлоги и частицы (*прѣсматр'ѣлтѣк'и* — *просмотрел-таки*; омонимичны: *помойка* — *помой-ка*, *играли* — *игра ли*, *ослепли* — *ослеп ли*); по оглушению согласных перед гласными и сонорными предлоги включаются в слово: конечный согласный в них не оглушается, как внутри слова (произносится *з*: *из вестѣй* — *извести*, омонимичны: *под арку* — *подарку*), а частица *ли* остается за пределами слова: звонкий согласный перед ней оглушается (*мог ли* от глагола *мочь* омонимично с *мокли* от глагола *мокнуть*); замена начального и звуком *ы* и отсутствие перед ним смягчения согласных имеют место не только после знаменательного слова (с оглушением конечного согласного: *дрѣк ѣс'т'ины*, *хѣт ыгры*), но и после предлогов (без оглушения: *изыгры*, *выгр'ѣ*, *п'ър'ьдыгрѣй*), после приставок (без оглушения: *изыскѣт'*, *пѣдыскѣт'*, *рѣзыгрѣт'*); наконец, после первой части сложносокращенных слов, составляющей слог (*пѣдынт'итѣт*, *облыспалкѣм*, *госыздѣт*, но не буквенных: *миит*, *гиз*, *рик*), так что предлоги, приставки и первые части сложений наравне с самостоятельными словами отграничиваются от ядра слова, включающего корень и суффиксы (ср. смягчение перед *и* в суффиксе: *рѣз'ик* в противоположность *рѣсыскал*, *рѣзыскал*; *куст'истый* в противоположность *куст ѣвы*). Таким образом, слабые позиции, вызываемые действующими фонетическими законами,

⁶ Здесь приводятся средние цифры двойных колебаний по «Фонетике французского языка» Л. В. Шербы, изд. 3. 1948, стр. 31, 48, 49.

захватывают то больший, то меньший объем слова, а иногда выходят за его пределы (озвончение глухих на стыке знаменательных слов: *нбзд'атла, рббблвн'ьм* — *рос баловнем* и энклитик: *атнбзбы* — *отнес бы, тоджь — тот же*)⁷. Все это очень осложняет увязывание сильных и слабых позиций с такой единицей, как слово.

С. К. Шаумян, определяя фонему как «звуковую единицу, служащую знаком для различения слов» (стр. 331), повидимому, связывает ее функционирование со словом; этому соответствует признание им «смешанных» фонем, которые обычно определяются по отношению к слову: «смешанная» фонема *г/к* имеет место в конце слова, «смешанная» фонема *о/а* в безударном положении в вариантах *а* и *э*. Но он совершенно не касается вопроса, как он понимает слово, включает ли он в слово проклитики и энклитики. Выше было показано, что их включение в слово приводит к тому, что в ряде случаев «смешанные» фонемы оказываются наравне с подлинными фонемами единственными различителями таких «больших» слов (*увяз ли — увязли*); с другой стороны, выключение энклитик и проклитик из слова и признание их за самостоятельные слова и самостоятельные фонетические единицы, помимо того, что это противоречит самым очевидным фактам их фонетической несамостоятельности и зависимости от слова, к которому они примыкают, создают ряд новых затруднений. Например, следует ли гласные предлогов и частиц считать независимыми от их положения по отношению к ударению знаменательного слова и, таким образом, признать их (вопреки очевидности) находящимися в какой-то сильной позиции? Тогда пришлось бы рассматривать гласный в местоимении и союзе *что* как звуки одной позиции, тогда как в первом имеется *о*, а во втором редуцированный *э* и эти два слова четко разграничены этими именно звуками (*Ты забыл, что (штъ) обещал?* — *Ты забыл, что (што) обещал?*). Или как рассматривать конечные согласные предлогов? Изолировав предлог от последующего слова, мы будем вынуждены признать, что конец слова допускает сохранение звонких (*без убтку, под окном*) и в одной позиции конца слова то бывает оглушение (*пбт остыл (под печи), вос упал*), то сохранение звонких.

Определение фонем в проклитиках и энклитиках в отрыве от знаменательных слов представляет переход к рассмотрению сильных и слабых позиций в связи с морфемами. При таком подходе возникают свои трудности и различительная функция звуков отходит на второй план и затемняется.

Помимо указанных трудностей с изолированным рассмотрением энклитик, ряд трудностей возникает с определением фонем на стыках морфем. Это, например, касается мягких долгих шипящих в словах *дббс'ик* (*дождик*), *вбш'ик* (*возчик*), *л'бш'ик* (*летчик*), *л'бч'ик*. Рассматривая эти слова в целом, мы не можем не признать, что в них противопоставлены *шс'* — *ш'* — *ч'*, которые и выступают как различители этих слов; в таких словах, как *п'ьр'евбш'ик* (*перевозчик*) — *п'ьр'евоч'ик* (*переводчик*), звуки *ш'* — *ч'* выступают единственными различителями. К тому же эти звуки четко противопоставлены, и нет оснований говорить об их «нейтрализации». Вопрос и может стоять только о том, считать ли эти фонемы простыми или сложными (из двух однородных).

При подходе от морфемы, прежде всего, обособляются *дождик* и *летчик*, где долгие шипящие целиком входят в корневую морфему, и *возчик* и *летчик*, где они на стыке морфем; при этом, если нетрудно, выделив корни *воз-*, *лет-*, определить в них конечный согласный, то установить первый согласный суффикса, исходя из фактов современного языка, не так легко: предлагалось два решения: 1) *чик* в *летчик*, *щик* в *возчик*; 2) *щик* в том и другом случае. Не останавливаясь на мотивах этих заключений, ограни-

⁷ Подробнее об этом см. в моей статье «О пределах действия звуковых закономерностей».

чимся постановкой вопроса — помогает ли это уяснению различительных средств фонетики; например, лучше ли выясняет различие в звуковом составе слов (а в речи встречаются именно эти слова) *перевозчик* — *перевсдчик* признание того, что их фонемный состав различается противопоставлением *тч* — *зи*' или же *ти*' — *зи*', чем признание, что эти слова в целом различаются противопоставлением *и*' — *ч*'.

Затем, если исходить из морфем и их взаимоотношений, то возникает вопрос, не следует ли отнести к слабым позициям такие положения, когда звуки «нейтрализуются» в определенных морфологических условиях; например, звуки *к* и *ч*, противопоставленные в основах существительных: *срок*, *рука*, *ночь*, *печь*, совпадают в *ч* («нейтрализуются») перед суффиксом прилагательных *н*: *срочный*, *ручной*, *ночной*, *печной*, или твердое и мягкое *л*, разграниченные в основах существительных: *школа*, *угол* — *воля*, *уголь* перед тем же суффиксом *н* совпадают в мягком *л'*: *школьный*, *угольный*, *вольный*, *угольный*; и это является совершенно обязательным в данных морфологических условиях.

Кроме того, как известно, морфемы, являющиеся подчиненной единицей, нередко перестают выделяться в словах; в результате образуются новые основы. Например, можно ли выделять приставки в словах: *отказ*, *показ*, *наказ*, *приказ*, *заказ*, рассматривая эти слова с точки зрения современной морфологической системы, и можно ли их соотносить с приставками в глазолах: *отложит*, *положит*, *заложит*, *приложит*? Фонемы же являются единицами звуковой системы языка, рассматриваемого синхронически, как орудие общения, что, разумеется, не обозначает, что они не связаны теснейшим образом с историческим развитием языка.

Таким образом, следует сделать выбор, что является для фонем основным и что занимает подчиненное положение — их смыслоразличительная функция или их отношение к фонетическим позициям?

С. К. Шаумян, вслед за Н. С. Трубецким, изолируя отдельные фонетические позиции, в своей теории «смешанных» фонем отходит от последовательного учета различительных функций звуков.

* * *

Академик Л. В. Щерба строит свое учение о фонемах на смыслоразличительной функции слов, что легко видеть из приводимого С. К. Шаумяном определения фонемы в «Фонетике французского языка» Л. В. Щербы, в котором фонемы названы «звуковыми типами, способными дифференцировать слова и их формы, т. е. служить целям человеческого общения». Таким образом, с полной отчетливостью указывается общепризнанная функция фонем. И это определение С. К. Шаумян мог объединить с определением фонемы у английского фонетика Джоунза, только тенденциозно, не желая видеть коренного различия между ними.

То же определение Л. В. Щербы, констатирующее наличие «в живой речи» большого количества разнообразных звуков и их объединение по смыслоразличительной функции в небольшое число звуковых типов, достаточно ясно показывает, что фонемы представляют обобщения, вызываемые целями и практикой общения, это — абстракции, создающиеся у лиц, пользующихся известным языком; поэтому Л. В. Щерба и подчеркивает, что они «имеются в виду, когда говорят об отдельных *з в у к а х р е ч и*». Такое понимание фонем как обобщенных звуков речи на основе смыслоразличительной функции и выработалось в результате исследовательской практики, обнаружившей расхождение при рассмотрении звуков с физической, физиологической и лингвистической (социальной) сторон, что отчетливо выражено уже в работе Л. В. Щербы 1910 г. «Субъективный и объективный метод в фонетике», заключающей вместе с рядом точных наблюдений их «психологическое» истолкование. Этим учением «о тройном аспекте звуковой речи» молчаливо пользуется и С. К. Шаумян (стр. 331). Коротко

этот вопрос излагается Л. В. Щербой и в «Фонетике французского языка». Там же на конкретных примерах иллюстрируется, как выделение фонем производится по различительной функции. Так, указывается, что отдельные звуки речи получаются в результате анализа слов данного языка и что «это кратчайшие отрезки, отсечение, прибавление и замена которых могут давать в данном языке другие слова или по крайней мере другие смысловые части слов»⁸, тогда как с физической стороны звуки допускают дальнейшую делимость, например, гласные состоят из нескольких последовательно идущих тонов, с физиологической стороны они также представляют сложное целое. Там же, констатируя, что «мы можем заметить, что в словах *мель, сел, дед* и т. п. на самом деле мы произносим другое *е*, чем в словах *мель, сели, дети*» (акустический аспект), Л. В. Щерба заключает (лингвистический, социальный аспект): «Однако, все эти сходные между собой, но могущие быть различаемыми на слух, звуки мы объединяем в русском языке... в один звуковой тип *э*... Причина этого лежит в том, что в русском языке все-таки эти разные оттенки наших звуков сами по себе никогда не могут дифференцировать слов или их форм... Однако в других языках эти наши оттенки могут выступать и в роли самостоятельных звуков, если только они способны дифференцировать слова. Так, по-французски и по-английски те звуки, которые мы называем разными оттенками звука *э*, оказываются совершенно самостоятельными, отдельными звуками (*grès* и *gré* во французском, *map* и *mep* в английском)»⁹.

А К. С. Шаумян как раз этим примером «уничтожает» учение о фонемах Щербы. Он поучает: «До тех пор, пока звуковые единицы языка приравнивались к звуковому типу, было непонятно, каким образом однотипные звуки [ε] и [e] во французском языке составляют две единицы, а в русском — одну» (стр. 340).

Кого хочет ввести в заблуждение С. К. Шаумян?

Таким образом, Л. В. Щерба, определяя фонемы и их оттенки, в основу кладет смысловозначительную функцию звуков, при этом исходя из реальных звуков, как они произносятся «в словах и в соединениях слов в предложениях», где они и выступают в качестве той «природной материи» языка, которая обеспечивает возможность языкового общения. Наоборот, признание «смешанных» фонем затемняет различительную роль звуков. Например, различение таких парных слов, как *спать* — *слать*, *ста* — *сна*, *стыл* — *смыл*, *скат* — *сват*, держится на противопоставлении в одном звуке: *п* — *л*, *т* — *н*, *т* — *м*, *к* — *в*, тогда как, по Шаумяну, в первых словах этих пар с является «смешанной» фонемой, а во вторых — «подлинной», а те и другие обладают совершенно разными функциями. Но помогает ли это в какой-нибудь мере уяснить то, что *с* в этих случаях различительной роли не играет? Так создаются совершенно искусственные деления звуков по якобы разным функциям.

Наоборот, учение о фонемах, рассматривая языковую материю во всем многообразии ее конкретных проявлений в процессе общения, выделяет те элементы, которые обеспечивают общение; при этом исключается все индивидуальное, неустойчивое (например, различия в громкости, темпе речи, высоте отдельных голосов), не играющее роли в качестве смысловозначителей. Уже поэтому звуки речи (фонемы) и являются обобщениями.

Кроме того, фонемы абстрагируются и от ряда элементов, имеющих социальный характер. Так, звуки, встречающиеся в предложениях, имеют разные качества в связи с различными интонациями, например *а* в слове *да* произносится по-разному, когда мы выражаем этим словом спокойное утверждение, или вопрос, или эмоционально окрашенное утверждение. Эти различия в интонации выступают различительным средством, но хотя они проявляются в произношении гласных, все же составляют

⁸ Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, изд. 3, стр. 17, 18.

⁹ Там же, стр. 18.

самостоятельный элемент звуковой стороны речи; при рассмотрении фонем интонационные особенности звуков в предложениях элиминируются. То же относится к разным видам ударения, которые создают и видоизменяют особые качества гласных, используемые также в целях общения.

В то же время фонемы как элементы языка не оторваны от всех этих конкретных проявлений звуков, имеющих то индивидуальный, то социальный характер. Здесь в полной силе марксистское положение: «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д.»¹⁰ Иначе функция отрывается от того, что функционирует, как это случилось у де Соссюра, утверждавшего, что фонема «характеризуется не свойственным ей положительным качеством, ... но исключительно тем, что она не смешивается с другими»¹¹. И Шаумян нередко высказывается за такой же разрыв фонемы и звуков, хотя его высказывания по этому вопросу противоречивы.

* * *

Вопреки «приговору» С. К. Шаумяна, в разработке учения о фонемах, раскрывающего социальную значимость звуков речи, большие заслуги принадлежат акад. Л. В. Щербе, который прошел сложный и трудный путь научных исканий, начав с субъективистических, психологических концепций под влиянием своего учителя Бодуэна де Куртенэ¹².

В статье 1910 г. «Субъективный и объективный метод в фонетике» Л. В. Щерба, четко отграничивая по существу лингвистический подход в изучении звуков речи от физического и физиологического, трактует это с психологических позиций, называя фонетический метод «субъективным». Его интересует различительная функция звуков в каждом определенном языке; он и устанавливает «различение французами двух оттенков е (бел — бел), неразличаемых русскими» (стр. 4). Эту различительную функцию он связывает с ее значением для целей общения и находит возможным устанавливать эти функции на основе опыта говорящих, но рассматривает это как факты «сознания говорящего индивида»: «Строго говоря единственным фонетическим методом является метод субъективный, так как мы всегда должны обращаться к сознанию говорящего на данном языке индивида; раз мы желаем узнать, какие фонетические различия он употребляет для целей языкового общения, и другого источника, кроме этого сознания, у нас вовсе не имеется» (стр. 3). В дальнейшем в этой статье он и расширяет «субъективный» метод, относя к нему самонаблюдения ученого-фонетика, тем самым уходя в сторону от основной задачи: «узнать, какие фонетические различия употребляются для целей языкового общения».

¹⁰ «Ленинский сборник», т. XII, стр. 325.

¹¹ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, Москва, 1933, стр. 118.

¹² Бодуэн де Куртенэ считал общенародный язык фикцией и признавал только «индивидуальные языковые мышления». Вот его воинствующее отрицание «русского языка»: «Конечно, так называемый русский язык представляет из себя чистейшую фикцию. Никакой русский язык, точно так же как и никакой другой племенной или национальный язык, вовсе не существует. Существуют как психические реальности одни только индивидуальные языки, точнее: индивидуальные языковые мышления» («Введение в языковедение», изд. 4, 1913/1914 уч. г.) Бодуэн де Куртенэ давал несколько определений фонем, иногда сближаясь с позднейшей концепцией Щербы. В более поздних работах, исходя из субъективистического понимания языка, он отождествляет фонему с представлением звука: «Это постоянно в нашей психике существующее представление «звука», т. е. одновременно сложного комплекса производительных работ и получаемых от этого впечатлений, мы будем называть фонемой» (там же, стр. 14). Ни о какой смысловозначительной функции фонем нет речи, а социальное значение языка вообще отрицается.

В «Русских гласных в количественном и качественном отношении» (1912) исследование ведется под флагом «психологического» направления, говорится о «звуковых представлениях», фонемы называются «типовыми звуковыми представлениями» (тезис второй), подчеркивается их психическая природа (стр. 7); фонема определяется: «Это кратчайший элемент общих акустических представлений данного языка, способный ассоциироваться в этом языке со смысловыми представлениями» (стр. 8).

В «Фонетике французского языка» (1937), определяя фонему, Л. В. Щерба исходит из реально существующего в языке многообразия звуков и определяет их социальную роль («для целей общения») как смыслоразличителей (это определение рассматривалось выше). Такое же понимание фонем излагается во «Введении» (§ 8) к академической «Грамматике русского языка», написанном акад. Л. В. Щербой и акад. В. В. Виноградовым.

В моем сборнике «О фонологических средствах русского языка» (1949) применительно к русскому языку разрабатывается учение о фонемах также на основе их смыслоразличительной функции, что С. К. Шаумян мог легко увидеть, но он предпочел говорить о «недоразумении» и «переодевании».

В этой моей работе были отдельные натяжки и излишнее использование искусственных иллюстраций; по большей части это происходило от недостаточно четкого осознания того, что вопрос о смыслоразличительных функциях звуков является самостоятельной проблемой по сравнению с вопросом о сильных и слабых фонетических позициях¹³. Следует отметить, что этот вопрос не был поставлен и Л. В. Щербой, хотя фактически он устанавливал смыслоразличительное значение фонем независимо от соотношений звуков в одной позиции.

* * *

Несколько замечаний о практическом значении учения о фонемах. С. К. Шаумян пишет: «Следует указать, что фонология имеет также и чисто прикладное значение. Так, например, фонология позволяет сделать более рациональным обучение произношению иностранных языков. Всеми также признана необходимость опираться на фонологию в деле создания алфавитов для бесписьменных народностей и рационализации существующих систем письма» (стр. 326). С этим можно полностью согласиться. Но каково практическое значение «фонологии» Шаумяна по сравнению с учением акад. Л. В. Щербы?

Известно, что учение о фонемах Л. В. Щербы нашло самое широкое применение в практике обучения иностранным языкам. Это и понятно, так как устанавливаемые им фонемы не оторваны от звуков языка. Его учение о фонемах и оттенках фонем естественно дополняется подразделением ошибок в произношении на «ошибки выговора, или фонетически е», и на ошибки «звукосмысловые, или фонологически е»¹⁴, что им иллюстрируется такими примерами: «Если какой-либо иностранец будет выговаривать *шяр, шяпка, Шюра, Машия*, то это будет только смешно; если же он скажет *стол* вместо *столь* (как это нормально для всякого англичанина) или скажет *Колья* вместо *Коля, копя* вместо *коля*..., то это будет уже разрушением смысла. Совершенно очевидно, что при самых скромных требованиях к устной речи с ошибками второго рода никак нельзя мириться...»¹⁵. Так намечается общая перспектива

¹³ Считаю долгом отметить, что в моих очерках «О фонологических средствах русского языка», напечатанных в годы господства аракчеевского режима марристов, мной были приведены две ссылки на работы Марра (стр. 4 и 82), но излагается и обосновывается концепция фонем акад. Л. В. Щербы. Что касается Н. Я. Марра, то у него вообще не было сколько-нибудь разработанного учения о фонемах, а только несколько броских, не отличающихся определенностью высказываний.

¹⁴ Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, стр. 13.

¹⁵ Там же.

в обучении произношению, выделение первостепенного и дополнительного по важности. Аналогично и в вопросах орфоэпии учение Л. В. Щербы даёт возможность выделить все существенное.

Какие преимущества по сравнению с этим представляет фонология С. К. Шаумяна со «смешанными» фонемами, с упорным подчеркиванием, что «суть дела не в акустическом родстве», с обособлением «фонологического» и «фонетического» подхода?

Едва ли случайно С. К. Шаумян воздержался от каких-либо высказываний по этому вопросу.

По теории алфавита в статье С. К. Шаумяна есть несколько замечаний. Как видно из его толкований употребления в греческом алфавите букв ψ и ξ и в алфавите дewanагари знака анусвара, С. К. Шаумян стоит за то, чтобы особыми буквами обозначать «смешанные» фонемы. И следует признать, что это логически вытекает из его понимания фонем. Но к чему бы это привело на практике? Для иллюстрации рассмотрим один частный случай. В русском языке есть фонемы n , k , s и сочетания nc , kc ; при этом сочетания nc , kc в конце слова представляют сочетание двух «смешанных» фонем, перед гласным же — сочетание «смешанных» фонем n или k и подлинной фонемы s . Тогда буквы n , k , s следовало бы оставить в словах: *пол*, *куст*, *сам*, буквы ψ , ξ , «достижение» древнеаттического алфавита, можно использовать для обозначения групп nc , nc перед гласным, например писать *моψа*, *боξа* (*мопса*, *бокса*), а для *мопс* и *бокс* пришлось бы создать, повидимому, еще буквы, иначе было бы затемнено «функциональное» различие этих групп. При широко распространенной «нейтрализации» фонем пришлось бы «обогащать» русский алфавит немалым числом невиданных букв. Правда, в статье имеется заявление: «Для вариантов же, физически совпадающих с членами нейтрализуемых противопоставлений, удобнее всего сохранять те же знаки, которыми обозначаются эти члены» (стр. 338). Но это непонятный компромисс и переход на позиции Л. В. Щербы. Характерно, что такое отступление пришлось сделать, лишь только зашла речь о практическом вопросе, хотя бы о таком специальном вопросе, как транскрипция. Надо признать, что идея обозначения «смешанных» фонем особыми буквами, независимо от их акустических качеств, целиком принадлежит автору, а ее проведение на практике привело бы к такой сложной и путаной орфографии, которая далеко оставила бы за собой аналитический алфавит Марра. Знала ли многовековая практика создания алфавитов что-либо подобное, за исключением ψ , ξ , толкование которых по меньшей мере рискованно?

Если бы автор пригляделся к греческому алфавиту в целом, то убедился бы, что так называемые «смешанные» фонемы последовательно обозначаются по их акустическим качествам: $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\text{-}\omega$, $\lambda\epsilon\chi\text{-}\tau\acute{o}\varsigma$, $\acute{\epsilon}\text{-}\lambda\acute{\epsilon}\chi\text{-}\theta\eta\nu$; $\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\text{-}\omega$, $\gamma\acute{\epsilon}\text{-}\gamma\rho\alpha\phi\text{-}\rho\alpha\iota$; $\tau\epsilon\acute{\iota}\theta\text{-}\omega$, $\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota\sigma\text{-}\tau\alpha\iota$, $\tau\acute{\epsilon}\iota\sigma\omega$ (из $\tau\epsilon\acute{\iota}\theta\text{-}\tau\omega$)¹⁶.

И до сих пор никто не указывал на нерациональность такой орфографии. То же самое последовательно применяется в латинском языке (*scrib-o*, *scrip-si*, *scrip-tum*, *scrib-ere*, или приставка *in*: *in-utilis*, *im-pugno*, *illustro*, *ir-rationalis*), в старославянском (приставка *раз*: *разоумѣти*, *разпѣти*, *раздрѣшити*). Все эти факты обозначения фонетических чередований по акустическим качествам согласуются с пониманием фонем, проводимым акад. Л. В. Щербой.

Пример этих, а также ряда других алфавитов показывает, что создатели письменных систем, хотя бы в отдаленные эпохи, вернее осознавали основные звуковые единицы, чем авторы искусственных теорий, так как они исходили из понимания явлений языка по их социальной обусловленности, опираясь на опыт широких масс и давая им возможность использования языка в письменной форме. Учение о фонемах как об основных зву-

¹⁶ Полный обзор действующих фонетических чередований и их обозначений см. С. И. Соболевского — «Древне-греческий язык», 1948, § 27—55.

ковых единицах, обеспечивающих общение, и является восхождением по спирали, обогащающим давно сложившиеся «наивные» представления о звуках речи; оно привело, с одной стороны, к четкому отграничению звуков речи от букв (отношения, с которыми за длительную историю письма очень осложнились), с другой стороны — от звуков, рассматриваемых с физической и физиологической стороны, в отношении чего были достигнуты огромные успехи, благодаря которым и были обнаружены отдельные конфликты при рассмотрении звуковой стороны в этих аспектах и в социальном аспекте.

Учение о фонемах Л. В. Щербы дает для создания алфавитов ясные и единые основания, охватывающие все звуки во всех фонетических положениях, и многие новые алфавиты, созданные в советскую эпоху, построены в соответствии с этим учением.

Практический интерес представляет вопрос о смягченных *к, г, х*. С. К. Шаумян объединяет их с твердыми *г, к, х* как варианты (стр. 340), очевидно, исходя из того, что они не встречаются обычно перед гласными непереднего ряда, тогда как акад. Л. В. Щерба признавал их за самостоятельные фонемы в связи с тем, что они, хотя и редко, противоплагаются твердым *г, к, х*. В настоящее время мы видим в разных областях появление новых слов со смягченным *г, к, х* перед гласными заднего ряда. Особенно часто это наблюдается в иноязычных собственных именах и географических названиях. Вот несколько примеров из карманного «Атласа СССР» (1939): *Гямыш, Кяхта, Кюзюн, Кюрдамир, Кююр*. А вот и на театральных афишах встречаем: *Моя Гюзель*.

С другой стороны, появляется сочетание *гы, кы*, например, в усвоенном уже слове *акын*; в популярном журнале «Вокруг света» (1952, № 9) статья озаглавлена: *Такыры* (гладкая, с трещинами глинистая поверхность пустыни), *Такырабад*; в упомянутом Атласе СССР: *Кызбурун, Кыз-Казган, Кызыл-Аrvat, Кыштым, Кыра, Кырен, Гыдан*; в учебнике «География СССР» С. В. Чефранова (1951): *Кызыл-кум, такыры*. Прежде всего это свидетельствует о проницаемости нашей фонетической системы для этих звуков. Учитывая же общую непроницаемость фонетического строя для чуждых звуков, следует признать, что в нашей системе существуют условия, позволяющие усваивать эти звуки.

А как расценивать такую практику? Если считать, что звуки *к, г, х* мягкие не функционируют, не выполняют различительной роли, то стоит ли вводить такие написания, не соответствующие фонологической системе русского языка, как вообще не вводятся особые обозначения для различных иноязычных фонем?

Наоборот, если вслед за Щербой видеть здесь самостоятельные фонемы, хотя и редко употребляемые, но обнаруживающие «рост», то следует признать такую практику и в отношении орфоэпии, и в отношении правописания целесообразной и прогрессивной.

Этот же пример служит иллюстрацией того, что в системе фонем происходят изменения, накапливаются «элементы нового качества».

Практические проблемы особенно наглядно демонстрируют искусственность и нежизненность фонологии С. К. Шаумяна.

* * *

Нет сомнения, что учение о фонемах делает попытки осветить центральный среди вопросов, касающихся языковой «природной материи».

Оно стягивает в один узел широкий круг важнейших теоретических проблем фонетики, а также ряд практических вопросов. Разработка этого учения, например, требует детальной разработки таких проблем: 1) методы установления фонем, 2) характеристика системы фонем, 3) отношение системы фонем к фонетическим позициям звуков, 4) отношение системы фонем к слово- и формообразованию, 5) отношение фонем к другим смыс-

лоразличительным средствам фонетики (ударение, интонации), б) роль фонем в историческом изменении звуковой стороны речи. К практическим вопросам, которые базируются на учении о фонемах, относятся: 1) орфоэпия, 2) обучение произношению изучаемых языков, 3) создание алфавитов и вопросы орфографии.

Гениальные труды И. В. Сталина по языкознанию, заложившие незыблемые основы марксистской науки о языке, побуждают критически пересмотреть с позиций марксизма наследство русской и советской лингвистики, отбирая ценное и отмечая ошибочное, навеянное чуждыми идеалистическими и вульгаризаторскими концепциями языка, и углубленно, на фактическом материале многих языков, разрабатывать остающиеся спорными вопросы в учении о фонемах, а также выдвигать новые проблемы, связанные с этим учением. Так, есть все основания думать, что физиологическая основа образования фонем может быть раскрыта на базе учения о второй сигнальной системе акад. И. П. Павлова.
